

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

А. Г. Харчев. *Брак и семья в СССР (опыт социологического исследования)*. М., 1964, 325 стр.

Знаменательным фактом в развитии общественных наук в Советском Союзе в последнее время можно считать повышение интереса к социологическим исследованиям и рост числа этих исследований. Вполне естественно, что внимание философов и социологов среди других социологических проблем должен был привлечь к себе круг вопросов, связанных с проблемой брака и семьи. Однако до недавнего времени авторы большинства книг и брошюр по вопросам брака и семьи ограничивались преимущественно популярным изложением известных положений марксистско-ленинской теории, иллюстрируя их примерами, почерпнутыми из периодической прессы. Лишь немногие привлекали более широкие материалы, поднимали и рассматривали некоторые сложные вопросы развития семейно-брачных отношений. К их числу относятся, в частности, работы автора рецензируемой книги — А. Г. Харчева.

Заслуживают внимания работы наших юристов — В. А. Рясенцева, Г. М. Свердлова и других. Ценный вклад в изучение брака и семьи, в особенности в среде колхозного крестьянства, внесли советские этнографы. Однако их труды, основанные на большом конкретном материале, собранном среди различных народов СССР, до сих пор еще в совершенно недостаточной степени учитывались и использовались социологами. С другой стороны, и сами этнографические исследования нередко страдали отсутствием необходимых теоретических выводов.

В целом же социологическая мысль уже давно нуждается в глубоком анализе как самой сущности семейно-брачных отношений, так и путей их развития в советском обществе, в широком обобщении накопленных буржуазной и советской наукой фактов, в критике современных буржуазных теорий брака и семьи с позиций марксизма-ленинизма.

Еще до войны серьезные попытки в этом направлении были, в частности, предприняты покойным С. Я. Вольфсоном в его работах «Социология брака и семьи» (Минск, 1929) и «Семья и брак в их историческом развитии» (М., 1937). При всех недостатках этих работ они были для своего времени существенным вкладом в марксистскую социологию. Однако после выхода в свет последней книги С. Я. Вольфсона прошло уже более четверти века, в жизни советского общества произошли огромные изменения. Сама марксистско-ленинская наука поднялась на новую ступень своего развития. Естественно, что многое в работах С. Я. Вольфсона устарело, не выдержало проверки временем. Наука обогатилась новыми фактами и положениями о процессах развития современного общества, в частности брака и семьи, что нашло отражение в новой Программе КПСС, принятой XXII съездом партии.

В новых исторических условиях А. Г. Харчевым опубликован большой труд, в котором с марксистско-ленинских позиций всесторонне освещаются основные проблемы брака и семьи.

Книга А. Г. Харчева читается с живейшим интересом. Она отличается стройностью композиции, ясностью мысли, убедительностью аргументации. Книга основана на изучении не только советской семьи, но и семьи дореволюционной России и капиталистических стран.

К числу серьезных достоинств исследования А. Г. Харчева принадлежит обилие использованных им источников. Среди них значительное место занимают социологиче-

ская и этнографическая литература, различные статистические и демографические сведения, а также анкетные обследования, проводившиеся в ряде случаев самим автором. А. Г. Харчевым глубоко изучены решения Коммунистической партии и Советского правительства, различные законодательные акты; им широко использованы указы, публицистика, художественная литература. Естественно, что А. Г. Харчев, строящий свое исследование на основе марксистской философии, широко использует в нем высказывания К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина. Особенно хотелось бы отметить, что автор глубоко анализирует лежащие в основе исследования факты, подходит к ним критически и вместе с тем умело обобщает их.

Автор чрезвычайно внимательно отнесся к советской этнографической литературе. Материалы, наблюдения и выводы этнографов, использованные А. Г. Харчевым, существенно расширили круг источников, обогатили ряд разделов данной работы, придали ей необходимую достоверность и жизненную полноту. Мы не ошибемся, если скажем, что А. Г. Харчев — один из первых советских философов, по-настоящему оценивших работы наших этнографов и положивших их, наряду с другими источниками, в основу своего исследования.

Поскольку речь идет об источниках, следует высказать сожаление, что автор не оговорил, где опубликованы или хранятся материалы социологических исследований, которые он использует. Важно было бы полнее охарактеризовать и методы, с помощью которых были получены соответствующие данные, чтобы судить о степени их объективности.

Структура работы отличается продуманностью и вполне отвечает поставленной автором цели. Она позволяет уяснить состояние проблемы, дает полное представление о современных взглядах на брак и семью, господствующих в буржуазной социологии, содержит четкое, но отнюдь не догматическое изложение марксистского понимания социальной сущности брака и семьи, подробно рассматривает важнейшие процессы развития семейно-брачных отношений при капитализме и в СССР — после победы Великой Октябрьской социалистической революции.

Автор правильно сконцентрировал свое внимание на анализе развития семейно-брачных отношений в условиях современного капиталистического общества и в Советском Союзе. Этим его работа выгодно отличается от ряда исследований, уделяющих слишком большое внимание истории развития семьи и брака в первобытном обществе, хотя эти вопросы имеют самостоятельное, и не только отвлеченно-теоретическое, значение в современных условиях небывалого подъема национально-освободительного движения в отсталых в недавнем прошлом странах Азии и Африки. Но это — в большей мере дело этнографов и историков. В данном же случае, с точки зрения задач социологического исследования, отвечающего запросам советского общества, вступившего в период развернутого строительства коммунизма, полностью оправдано обращение А. Г. Харчева к современности в прямом смысле этого слова.

Актуальность, можно даже сказать злободневность, исследования А. Г. Харчева проистекает из того факта, что вопросы развития брака и семьи приобретают весьма важное значение именно теперь, когда в один ряд с такими задачами строительства коммунистического общества, как создание материально-технической базы коммунизма и формирование коммунистических общественных отношений, партия поставила задачу воспитания нового человека.

Браку и семье как объекту социологического исследования посвящена первая глава книги. Большой заслугой А. Г. Харчева является смелая постановка научно-социологической стороны проблемы. Серьезное и вдумчивое изучение обширной литературы по вопросам брака и семьи, издаваемой в буржуазных странах, позволило автору дать глубокий анализ важнейших направлений современной буржуазной социологии и ее идеологических и теоретических основ. С позиций марксистской социологии он вскрывает узость, ограниченность и предвзятость буржуазных социологических исследований. Его аргументированная критика в подавляющем большинстве случаев верно бьет в цель. Критика буржуазной социологической литературы по вопросам семьи и брака в таком развернутом виде дается в советской литературе впервые, и в этом одна из сильных сторон данной работы. Автор правильно определяет и круг задач, которые должны быть поставлены перед исследователями проблемы брака и семьи.

А. Г. Харчев справедливо отмечает, что буржуазная этнография занимается почти исключительно бытом отсталых народов, а в семейно-брачных отношениях ее интересует преимущественно внешняя обрядовая сторона (стр. 11).

Что касается работ советских этнографов по изучению семьи, то следовало бы отметить, что в них не исключается и экономический аспект (бюджеты, потребление в семье, разделение труда и др.). Этнографов занимает и юридический аспект: они касаются пережитков правовых норм прошлых эпох, бытующих в семейной жизни и иногда не соответствующих советскому законодательству. Следует признать несколько поспешным вывод автора о том, что теории буржуазных социологов, отрицавшие матриархат и защищавшие изначальность моногамии, рухнули (стр. 9). На самом деле, советским этнографам приходится еще вести острую борьбу с зарубежными носителями таких теорий.

Стержнем социологического исследования является вопрос о социальной сущности брака и семьи, рассматриваемый во второй главе книги. Вполне закономерно, что А. Г. Харчев уделяет серьезное внимание теоретической стороне этого вопроса. В целом, как нам кажется, он стоит на правильных позициях, вполне соответствующих современному уровню науки. Определяя брачные отношения как основу семьи, автор далее подвергает детальному рассмотрению сущность самой семьи, противопоставляя путаным и неопределенным понятиям, содержащимся в буржуазной литературе, марксистское понимание семьи как исторически обусловленной социальной категории.

Автор определяет брак как «исторически изменяющуюся социальную форму отношений между женщиной и мужчиной, посредством которой общество упорядочивает и санкционирует их половую жизнь и устанавливает их супружеские и родительские права и обязанности» (стр. 48). «Семью можно определить,— пишет автор,— как обладающую исторически определенной организацией малую социальную группу, члены которой связаны брачными или родственными отношениями, общностью быта и взаимной моральной ответственностью и социальная необходимость в которой обусловлена потребностью общества в физическом и духовном воспроизводстве населения» (стр. 57).

Однако отдельные положения, выдвигаемые автором, нуждаются в уточнении, в частности, положение (со ссылкой на работы М. О. Косвена) о «материнской семье» (стр. 28). Нельзя подменять понятие «род» понятием «материнская семья». В эпоху господства материнского рода характерной формой семьи была парная семья. Супруги принадлежали к различным родам, а брак был матрилокальным. Внутри рода браки были запрещены. Эти положения, базирующиеся на высказываниях Ф. Энгельса, поддерживаются большинством советских этнографов.

Не во всем можно согласиться с автором и при трактовке им отдельных частных вопросов в определении семьи. Так, например, он возражает против принятого в этнографической литературе понятия «структура семьи», под которым мы обычно подразумеваем численность семьи, состав ее, число и соотношение поколений. Мотивируя свое возражение тем, что в данном случае смешиваются количественные и качественные характеристики, А. Г. Харчев предлагает выделить численность семьи в качестве особого ее признака, а в понятие структуры семьи «включить и внутрисемейные отношения вплоть до характера семейной власти» (стр. 55). Нам думается, что в данном случае автор не прав: ведь численность семьи есть производное от ее состава и количества объединенных в семье поколений; с другой же стороны, включать в понятие «структура» внутрисемейные отношения и характер семейной власти вряд ли было бы логично.

Третья глава работы носит название «Тенденции развития брака и семьи при капитализме».

Методологически совершенно правильно автор рассмотрению советской семьи предпосылает рассмотрение семьи при капитализме. С одной стороны, сравнение этих двух форм семьи более наглядно оттеняет все то принципиально новое, что имеется в советской семье, с другой же стороны, сама советская семья возникла не на пустом месте, а имела своей предшественницей семью капиталистического (и, прибавим, также в значительной степени феодального) общества; таким образом в дальнейшем, при переходе к главной теме (о советской семье) читателю легче разобраться во всем том, что касается пережитков прежних форм семьи.

Эта глава в целом содержит не только большой фактический материал, но и ценные наблюдения и важные теоретические обобщения. В ней развернута картина дезорганизации семьи в современном буржуазном обществе.

А. Г. Харчевым проделана очень большая работа по изучению трудов буржуазных социологов, в той или иной мере касавшихся вопросов семьи и брака, в частности, положения женщины. Эти труды подвергнуты А. Г. Харчевым убедительной критике. Размеры рецензии не позволяют нам подробнее остановиться на этом вопросе. В качестве одного из примеров укажем на остроумную критику взглядов американского социолога К. Киркпатрика; рассмотрев его аргументы по поводу «неполноценности» женщины, автор отмечает, что в высказываниях Киркпатрика очень точно раскрыта та логическая механика, которую применяют буржуазные социологи: «Искусственно созданная эксплуататорским обществом ограниченность духовного мира и социальной деятельности женщин выдается за некое природное установление. Следствие, таким образом, объявляется причиной, а причина ставится на место следствия» (стр. 77).

Глава четвертая «Социалистическая революция и брачно-семейные отношения» посвящена тому периоду в истории семьи и брака, который наступил непосредственно после победы Великой Октябрьской социалистической революции. Здесь рассматривается наследие, которое получила советская власть в области семьи и брака, принципы, положенные Коммунистической партией в основу построения новой семьи, охарактеризованы трудности, с которыми столкнулись партия и советская власть, левые тенденции, имевшие место в первые годы революции, вскрыты причины их, показаны измышления буржуазных социологов по поводу якобы существовавшей в

Советской России линии на полную ликвидацию семьи. В этой главе показан процесс фактического раскрепощения женщины, вовлечения ее в производительный труд, длительная и упорная борьба с сохранившимися еще пережитками в области брака и семьи.

Автор не замалчивает отдельных отрицательных моментов, еще проявляющихся в области семейно-брачных отношений. Он пишет на стр. 174: «Наряду с нравственно зрелыми отношениями между полами и социалистической формой семьи, которые преобладают в советском обществе, у нас еще сохраняются элементы старой семейной морали и старого быта». Вскрывая причины имеющихся недостатков, автор стремится наметить пути их преодоления. Все содержание этой главы, так же как и других глав, не оставляет у читателя сомнения в том, что эти «элементы старого быта» и их влияние на жизнь людей неизбежно будут уменьшаться и брачно-семейные отношения постепенно очистятся от всех пережитков прошлого.

Автор рассматривает брачно-семейное законодательство 1926 и 1944 гг. Обосновывая важность и необходимость для своего времени издания указа 1944 г. и отмечая его роль в укреплении советской семьи, автор обращает внимание и на его слабые, уязвимые с точки зрения советской морали места, которые подвергаются критике со стороны нашей общественности. Сюда он относит следующие моменты:

1) внебрачное материнство не получает юридической защиты не только в тех случаях, против которых, собственно, и направлен закон (несерьезное отношение к половой жизни со стороны женщины), но и в тех случаях, когда женщина морально права; 2) дети, рождающиеся в незарегистрированном браке, лишаются права иметь с каким-либо отцом (даже тогда, когда узаконение отцовства не сопряжено ни с какими моральными конфликтами); 2) ненужность «двухступенчатой» процедуры развода (стр. 170).

По мнению А. Г. Харчева, причины, вызвавшие необходимость законодательства 1944 г., продолжают действовать до сих пор, поэтому он полагает целесообразным искать пути преодоления или уменьшения отмеченных им недостатков законодательства «в русле его основных идей и целей, а не за пределами их» (стр. 171). Во всяком случае следует думать, что назревшие изменения в семейно-брачном законодательстве будут осуществлены с учетом интересов как государства и общества в целом, так и самой советской семьи. Можно спорить по вопросу о том, насколько далеко должны пойти эти изменения, но вполне очевидно, что они будут направлены на дальнейшее укрепление брачно-семейных отношений и в то же время создадут необходимые гарантии, полностью обеспечивающие интересы детей, касается ли это взыскания алиментов на их содержание, или их права носить фамилию отца.

Вместе с тем автор высказывает пожелание о выработке ряда дополнительных мероприятий, которые в какой-то мере способствовали бы устранению отмеченных недостатков. Так, в частности, он пишет, что «использованию существующего законодательства в интересах морально неправой стороны могло бы воспрепятствовать также введение и моральное узаконение общественной помолвки будущих супругов или какой-либо другой формы социального выявления характера добрых отношений между мужчиной и женщиной. Помолвка не накладывает на людей юридических обязанностей, но в случае отказа мужчины вступить в брак после рождения ребенка она может послужить основанием для взыскания алиментов» (стр. 171).

Трудно сказать, насколько общественная помолвка сможет улучшить дело и послужить сдерживающим началом, если стороны недостаточно серьезно отнесутся к самому браку и в дальнейшем придут к решению расторгнуть возникшие между ними отношения.

Пятая глава «Брак в СССР» построена автором в значительной степени, как он сам пишет, на «конкретно-социологических исследованиях». Здесь и материалы различных молодежных дискуссий, и анкетно-опросные данные, и результаты этнографических исследований, и изучение материалов загов, отделов здравоохранения, и многие другие. В начале главы (стр. 177—178) автор ставит перед собой пять наиболее существенных с его точки зрения для характеристики брака в СССР задач, которые в дальнейшем он и пытается разрешить, естественно, оговариваясь, что материал этот далеко не полный. Задачи эти вкратце следующие: 1) выяснить, как сами вступающие в брак представляют себе его назначение, какими критериями они руководствовались, что считают главным условием прочности брака; 2) определить соотношение возрастов лиц, вступающих в брак, и тенденции в изменении этих соотношений; 3) установить, какое место среди всех браков занимают брачные союзы, связанные с преодолением национальных или иных предрассудков; 4) выявить характер добрых отношений, продолжительность и характер предбрачного знакомства, роль родителей; 5) определить характер зависимости между мотивами и прочностью брака (по материалам бракоразводных дел).

Недостаток места не позволяет нам остановиться на чрезвычайно интересных выводах А. Г. Харчева по каждому из указанных пунктов. Общий же вывод, к которому приходит автор, сводится к тому, что в СССР в вопросах брака доминирующими принципами являются свобода и добровольность брака, равенство и взаимное уваже-

ние супругов, приоритет личного чувства над всеми другими соображениями при решении вопроса о вступлении в брак¹.

Следующие две главы (6 и 7) посвящены характеристике советской семьи. Первая из них названа «Численность и структура советской семьи», вторая — «Основные социальные функции советской семьи».

Выше уже отмечалось, что автор понятие «структура» рассматривает несколько расширенно и поэтому в данной главе мы встречаемся не только с вопросами о численности и составе семьи, но и с вопросами о взаимоотношениях в семье, степени сохранности в ней патриархальных начал или, наоборот, демократизации семьи, положении женщины и другими подобными вопросами.

В следующей главе, рассматривая функции семьи, А. Г. Харчев намечает два аспекта — материальный и духовный. Среди материальных функций семьи важнейшей в социалистическом обществе является организация потребления (функция накопления частной собственности отмирает), а в области духовной — воспитание детей; много внимания уделено вопросам воспитания в семье и в детских учреждениях. Вызывают интерес и мысли автора о половом воспитании молодежи. Содержательны материалы автора и его рассуждения, касающиеся второй важной духовной функции семьи — организации досуга. Эта глава имеет значение не только в познавательном и теоретическом отношении, она представляется важной и в практическом отношении.

Хотелось бы сделать одно замечание к стр. 283. Преемственность тех или иных семейных нравственных традиций обусловлена в определенной мере и национальными особенностями данного общества.

С большим интересом читатель ознакомится с последней, заключительной главой книги А. Г. Харчева «Строительство коммунизма и перспективы развития советской семьи». Автор подвергает критике прогнозы буржуазных социологов о будущем советской семьи, а также теории постепенного отмирания семьи как устойчивой социальной общности людей наряду с государством, правом и другими социальными институтами, унаследованными от классового общества, теории, получившие отражение и в советской литературе. В этой главе высказано немало интересных соображений, она содержит богатую пищу для размышлений.

Автор подчеркивает важнейшие предпосылки дальнейшего развития семьи, как семьи коммунистической. «Коммунизм, — пишет он, — отрицает единобрачие лишь в той мере, в какой оно порождено и закреплялось частной собственностью, но наследует и развивает его, поскольку оно представляет собой наиболее высокую ступень в отношениях между полами» (стр. 308). Коммунизм ни в коем случае не будет означать излечения детей от родителей и освобождения родителей от моральной ответственности за воспитание своего потомства (стр. 309).

Заслуживают одобрения мысли автора о значении новых обычаев и обрядов, связанных со вступлением в брак, рождением ребенка и другими важными событиями семейной жизни. Этнографы полностью согласятся с тем, что «внимание, которое советская общественность уже в настоящее время уделяет эстетической стороне брачно-семейных отношений, не «дань традициям» и даже не простое противодействие бытовым обрядам, культивируемым церковью, а своего рода «предчувствие» той большой роли, которую эта сторона жизни будет играть при коммунизме» (стр. 315).

Автор делает попытку наметить некоторые тенденции в изменениях структуры и функции семьи при переходе к коммунизму (состав семьи — два поколения, связи между родственными семьями, создание устойчивых семейных групп, состоящих из нескольких живущих раздельно пар, и т. п.), однако эти тенденции нельзя считать вполне определенными.

По мере дальнейшего совершенствования самого общества развитие этих тенденций может идти в несколько иных направлениях, нежели намечает автор. Пока еще весьма рискованно предвидеть и регламентировать перспективы развития некоторых сторон семейной жизни. При всем этом общее направление процесса развития семьи, определенное в Программе КПСС, остается единственно верным, и с этой точки зрения критика А. Г. Харчевым гипотезы, выдвинутой некоторыми советскими экономистами, о необходимости создания в будущем так называемых производственно-бытовых коммун, выглядит вполне убедительной (стр. 319—322).

Советские этнографы, которым близки и понятны многие из поднятых и разработанных в книге А. Г. Харчева вопросов развития брачно-семейных отношений, не могут не согласиться с выводом автора о том, что «В настоящее время прогресс семьи в СССР значительно отстает от прогресса советской экономики. Это отставание обусловлено громадной цепкостью старых традиций, материальными, демографическими и моральными последствиями второй мировой войны, а также общим отставанием сознания людей от изменения общественного социалистического бытия» (стр. 323).

¹ См. специальную работу автора «О некоторых результатах исследования мотивов брака в СССР», «Научные доклады высшей школы. Философские науки», 1963, № 4.

Тем не менее будущее советской семьи, перспективы ее перерастания в семью коммунистическую, которое будет новым качественным скачком в историческом развитии семьи, обеспечены всеми теми большими успехами, которые достигнуты в брачно-семейных отношениях при социализме и которые так глубокого и обстоятельно исследованы А. Г. Харчевым.

Рецензируемая книга, несомненно, будет встречена с большим интересом не только широким кругом специалистов-социологов, историков, этнографов и др., но и массовым читателем.

С. Абрамзон, Н. Кисляков

НАРОДЫ СССР

В. П. Аникин. *Русский богатырский эпос*. Пособие для учителя. Изд. «Проведенне», М., 1964, 191 стр.

Рецензируемая книга хорошо выполняет свое назначение — помогать в преподавании фольклора педагогам-словесникам. Написанная живым, художественным языком, с подъемом, и в то же время аналитически прослеживающая основные закономерности эпоса, идеи и сюжеты русских былин, она вводит педагогов (а может быть, и учеников старших классов?) в атмосферу фольклора, способна увлечь их.

Разработка методики изучения эпоса в историческом плане в настоящее время — одна из первоочередных задач в фольклористике. Наиболее ценен в книге четкий принцип историзма, стремление приурочить эпос к определенным эпохам. «Наше отношение к былинам, — пишет автор, — наполняется особым смыслом, когда уясняются исторические условия, при которых на Древней Руси возникал эпос» (стр. 5).

В развитии русского эпоса автор различает четыре основных периода: «мифологический», киевский, владими́ро-суздальский и московский. В исходный период (IV—IX вв. н. э.) «эпическая песня», возникнув, продолжала, как пишет автор, «художественные традиции древнейшей мифологии, и воспроизвела в своих образах социальные устремления народа в новую историческую эпоху, наступившую с началом разложения первобытнообщинных порядков» (стр. 25) и становлением классово-антагонистических отношений. «Смысл общих изменений (в этот период — *Р. Л.*) условно может быть назван историзацией прежних традиций» (стр. 79). В последующий период (с X в. по вторую половину XII в.) наиболее ярко проявился «особенный историзм, который прищущ всем киевским былинам» (стр. 71). Третьему периоду — владими́ро-суздальскому (с середины XII по вторую половину XIV в.) автор придает чрезвычайно большое значение в истории развития эпоса. В московский период (вторая половина XIV — начало XVII в.), по мысли В. П. Аникина, «новые былины не возникали, но имела место творческая обработка прежде созданных применительно к историческим условиям Московской Руси» (стр. 23).

Самое пристальное внимание в книге уделено третьему периоду. Мысль о связи между усилением Северо-Восточной Руси как государственного образования в XII в. и появлением в эпосе героев — выходцев из Ростова, Муром, Рязани, однако изложена слишком категорично. Так, центральный в русском эпосе образ Ильи едва ли мог возникнуть только в этот период, тем более, что по известным свидетельствам XVI в., приводимым и автором, он наделялся еще тогда прозвищем Муравленин (у Кмиты Чернобыльского) или Моровлин (у Ляссоты), а не Муромец; даже в записях XVII в. упоминается город Муром наряду с Муромом. Попытка В. П. Аникина связать прозвище Муравленин с «муравленной» печью, на которой сидел Илья до своего богатырства (стр. 110), конечно, звучит натяжкой.

Автор пытается аргументировать свою концепцию и тем, что Суздальская Русь считала себя преемницей Киевской, и поэтому поместила своих эпических героев при дворе киевского князя. Однако областная принадлежность этих героев может трактоваться иначе: с одной стороны, как более поздние черты, наслонившиеся на основу эпоса, которая сложилась, действительно, при Владимире I, а с другой, как отражение процесса концентрации воинов из разных земель Руси в южнорусских укреплениях, построенных Владимиром. Последнее и составляет открытие Б. А. Рыбакова, связавшего эту пестроту состава защитников крепостей (сказавшуюся в их погребениях) с происхождением эпических богатырей из разных княжеств Руси¹.

¹ См.: Б. А. Рыбаков, *Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи*, М., 1964, стр. 61—62, 72—73.